

Я.А. Климук

**Лишение крестьян избирательных прав
как метод политики «раскулачивания»
(на материалах ЦХАФ АК*)**

Процесс «раскрестьянивания», характерный для периода перехода к индустриальному обществу, по определению Т. Шанина, заключается в лишении крестьянства «четырех сущностных черт этой социальной группы: во-первых, крестьянское семейное хозяйство (двор) как основная единица социальной организации крестьянства с достаточно обширным набором функций. Во-вторых, хозяйствование на земле как способ существования и его основной источник. В-третьих, специфические культурные образцы, привязанные к образу жизни малой сельской общности как основа традиционной культуры. И, наконец, в-четвертых, подчиненное положение – господство не крестьян над крестьянами как источник социальной напряженности в обществе» [1, с. 11–13].

Одним из широко распространенных методов политики «раскрестьянивания», применявшихся большевистским правительством в 1920 – начале 1930-х гг., являлось массовое лишение сельских жителей избирательных прав. Такая ликвидация конституционного права выбирать и быть избранными для представителей значительной части населения страны, по сути, лишала их не только гражданских прав, но и обычного человеческого достоинства. Притом она являлась одной из мер политической расправы с неблагонадежными крестьянами, наиболее часто использовавшейся в период становления тоталитарного режима в СССР. Следствием же этого лишения, как справедливо замечают С.А. Красильников, М.С. Саламатова, Т.М. Смирнова и другие современные авторы [2–4], являлась принудительная маргинализация одной из самых многочисленных социальных групп российского общества.

Впервые вопрос о лишении избирательных прав как мере социального давления на так называемых «врагов народа», к которым относилась и часть крестьянства, был поставлен еще в Конституции РСФСР 1918 г. Статья 65 четко определяла круг лиц, которые «не избирают и не могут быть избранными». В него входили: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход (как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России

дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором» [5, с. 561–562].

Начиная с 1926 г. положения Конституции, рассчитанные на период перевыборных кампаний, детализировались «Инструкцией о выборах городских и сельских Советов и о созыве Съезда Советов» от 26 ноября 1926 г. В статье 15 данного документа конкретно указаны группы сельского населения, подлежащие лишению избирательных прав. Во-первых, это «земледельцы, применяющие наемный труд, имеющие наряду с земледельческими хозяйствами собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия с применением постоянного или сезонного наемного труда, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей...». Во-вторых, к этой же категории были отнесены «лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин» [6, с. 889].

Лишение избирательных прав владельца хозяйства автоматически причисляло к лишенцам всех материально зависимых от него членов семьи, что свидетельствует о расширении практики «лишенчества». Характерно, что данная категория существенно пополнилась за счет семей красноармейцев и бывших красных партизан. Так, в середине 1920-х гг. лишенцы еще могли восстановиться в правах, если кто-либо из членов семьи служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). С переходом к жестко репрессивной политике в отношении зажиточных слоев деревни ситуация коренным образом меняется. Например, из рядов РККА по «политико-моральным соображениям» был уволен гражданин с. Калмыцкие Мысы Пospelихинского района В.Т. Татаренков и Ф.К. Жданов из с. Новые Склюхи Рубцовского района за то, что «отцы их осуждены по ст. 107 УК и лишены избирательных прав». На этом основании комиссар полка обратился в окружной исполком с требованием о постановке вопроса «о лишении избирательных прав и зачислении в тыловое ополчение самих красноармейцев» [7, л. 226]. Иначе говоря, в конце 1920-х гг. служба в РККА сыновей уже не спасает родителей от лишения избирательных прав. Напротив, сам факт

* Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

«лишенчества» родителей приводил к увольнению их сыновей из рядов Красной Армии.

Отнесение лиц, использующих наемный труд, а также живущих на «нетрудовые» доходы к числу лишенцев должно было осуществляться на основе предоставленных финансовыми органами сведений о величине уплаченного налога. Таким образом, между экономическими и политическими методами давления на крестьянство с середины 1920-х гг. существовала тесная взаимосвязь. Размеры начисленного единого сельскохозяйственного налога и индивидуального обложения хозяйства в подавляющем большинстве случаев приводили к лишению избирательных прав владельца такого хозяйства. Нередки были случаи и обратной взаимосвязи. Крестьянин, лишенный властью по каким-либо причинам избирательных прав, тут же облагался налогом в индивидуальном порядке. Хозяйство его автоматически причислялось к «кулацким».

В то же время лишение избирательных прав не имело прямого политического значения. Доля лишенных избирательных прав от числа взрослого населения страны была уж слишком мала (несмотря на значительный рост данной категории в конце 1920 – начале 1930-х гг.). А это значит, что для большевиков «лишенцы» не представляли реальной угрозы на выборах. Вызывала опасения сама тенденция роста активности зажиточных слоев во время выборов на фоне всплеск вооруженной борьбы недовольных «раскулачиванием» крестьян.

Избирательные кампании в местные органы власти, идеологическая пропаганда расширения творческой активности масс через органы самоуправления вселяли в крестьян надежду на возможность улучшения своего бедственного положения. Несомненно, что в местные органы власти при этом стремились прежде всего те слои сельского населения, которые в условиях существующего режима теряли свои основные доходы. Зажиточное крестьянство, как наиболее заинтересованное, вело активную агитацию против существующей системы и находило поддержку не только середняцких, но и бедняцких слоев деревни. Лишение избирательных прав позволяло нейтрализовать возмущение в крестьянской среде на законодательной основе, разобщить сельское население. Декларировалось это как отрыв середняка от кулака, затормаживание дифференциации социальных слоев, нивелирование их экономического и социального статуса. В результате крестьянин и его семья фактически исключались из общества и не имели даже минимальных прав. Лишенец не мог избирать и быть избранным в руководящие государственные учреждения, общественные организации, не имел возможности занять какую-либо должность, учиться в средних специальных или высших учебных заведениях, зачастую, заниматься определенными видами деятельности.

К концу 1920-х гг. в стране полностью завершилось формирование однопартийной избирательной системы. По мнению С.А. Красильникова, лишенчество начинает выполнять следующие функции: «а) превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма); б) проведения искусственного структурирования общества (как часть политики деления общества на своих сторонников и противников); в) установления поэтапного тотального контроля над основной частью общества; г) привлечения к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера (соучастие) социальных низов; д) поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации – поддержание психологии агрессии в отношении бывших привилегированных сословий и корпораций» [8].

Наконец, лишение избирательных прав являлось, с одной стороны, своего рода прологом к прямым массовым репрессиям. Хорошо поставленные учет и контроль над «лишенцами» позволяли без особого труда выявлять объекты для репрессий.

Анализ общесоюзных и региональных данных о численности и составе категорий «лишенцев» на протяжении второй половины 1920-х гг., приведенный С.А. Красильниковым, позволяет говорить о резком расширении как практики, так и базы «лишенчества» в течение одного–двух лет. Особого внимания заслуживает ужесточение в эти годы политики в отношении социально активных и экономически независимых зажиточных слоев крестьянства. Кроме того «лишенчество» эволюционирует в сторону наследственной дискриминации сословия, т.к. отмечается количественный рост лишенных избирательных прав членов семей «лишенцев», достигших 18 лет. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний комиссий по пересмотру ходатайств и списков лишенных избирательных прав за 1930 г. [8].

Как отмечает М.С. Саламатова [9, с. 65], по своей социальной структуре «лишенцы» в сельской местности весьма неоднородны. Их деление на категории условно, так как «эксплуататоры наемного труда» могли торговать или владеть сельскохозяйственными предприятиями, а торговцы, мельники и т.п., как правило, имели хозяйства и прибегали к наемному труду. В связи с этим в качестве «кулаков» рассматриваются только лица, лишенные избирательных прав за эксплуатацию наемного труда и сдачу в аренду сельскохозяйственных машин.

Как правило, наряду с указанными признаками существовал целый ряд признаков не столь существенных и распространенных (табл. 1). Только один из них – «душевная болезнь» – можно считать вполне легитимным даже в современной конституционной трактовке избирательного права.

Данные, приведенные выше, не дают полной картины об экономической состоятельности «лишенцев»

Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания»

Таблица 1 [10]

Соотношение отдельных районов Алтайского края по признакам лишения избирательных прав

Признак лишения избирательных прав	Тюменцевский район		Косихинский район		Тальменский район		Волчихинский район		Угловский район	
	Количество, чел.	%	Количество, чел.	%	Количество, чел.	%	Количество, чел.	%	Количество, чел.	%
Всего лишено избирательных прав	228		114		587		752		416	
Эксплуатация наемного труда	190	83,3	63	55,3	156	26,6	512	68	399	95,9
Из них как единственный признак	137	72,1	6	9,5	48	30,8	187	36,5	241	60,4
Эксплуатация с/х машин	50	21,9	82	71,9	332	56,6	241	32	51	12,3
Из них как единственный признак	10	20	31	37,8	30	9	28	11,6	1	2
Две с/х машины	4	8	14	17	68	20,5	27	11,2	12	23,5
Более двух с/х машин	0		4	4,9	34	10,2	17	7	0	
Наличие предприятий и промыслов	22	9,6	22	19,3	97	16,5	144	19,1	75	18
Из них как единственный признак	6	27,3	2	9	18	40,2	21	14,6	3	4
Как основной признак	1	4,5	0		39	40,2	66	45,8	39	52
Более одного предприятия	2	9	0		5	5,2	10	6,9	8	10,7
Торговля	1	0,4	6	5,3	75	12,8	36	4,8	9	2,2
Из них как единственный признак	0		0		38	50,7	11	30,6	2	22,2
Спекуляция	15	6,6	3	2,6	75	12,8	113	15	39	9,4
Из них как единственный признак	8	53,3	0		10	13,3	27	23,9	6	15,4
Духовенство	4	1,75	2	1,75	19	3,2	40	5,3	3	0,7
Душевнобольные	0		0		14	2,4	20	2,7	0	
Политически неблагонадежные	4	1,75	14	12,3	28	4,8	71	9,4	29	7
Другие признаки	4	1,75	24	21	40	6,8	13	1,7	1	0,2

того или иного района, поскольку лишение избирательных прав проходило зачастую сразу по нескольким признакам. Обозначенные районы, относящиеся к разным по своему географическому, демографическому и экономическому положению округам, по этому показателю также были неоднородны. Так, в целом по краю лишение избирательных прав по одному и нескольким признакам составляет примерно 50%. По отдельным же районам картина складывается совершенно иная. В наиболее развитых Косихинском и Тальменском районах по одному признаку лишали в 26,3 и 34,9% случаев соответственно. В Тюменцевском районе этот процент достигает 77,2 (табл. 2). При этом из 190 случаев по Тюменцевскому району, когда лишение избирательных прав проходило по признаку применения наемной рабочей силы, в 137 (72,1%) – это был единственный признак. В то же время для Коси-

хинского района характерно преобладание лишения за эксплуатацию сельскохозяйственных машин как единственному признаку (табл. 1).

Таким образом, напрашивается вывод о дифференцированном подходе со стороны местных органов власти к процессу лишения избирательных прав, об очень серьезном отношении к нему со стороны партии большевиков и советских органов. Усредненные данные по стране или только по Западно-Сибирскому краю, чаще всего используемые исследователями, не дают представления о своеобразии процессов, проходивших на местах. Для более глубокого понимания лишения избирательных прав как метода раскулачивания необходимо его всестороннее изучение и осмысление последствий.

Крестьянские хозяйства, причисленные к «кулацким», были очень разными по количеству едоков

Таблица 2 [10]

Соотношение отдельных районов Алтайского края по одному или нескольким признакам лишения избирательных прав

Район	Всего лишено избирательных прав, чел.	По одному признаку		По нескольким признакам	
		Всего, чел.	%	Всего, чел.	%
Тюменцевский	228	176	77,2	52	22,8
Косихинский	114	30	26,3	84	73,7
Тальменский	587	205	34,9	382	65,1
Волчихинский	752	370	49,2	382	50,8
Угловский	416	257	61,8	159	38,2
Всего	2097	1038	49,5	1059	50,5

и работников. Состав семьи и соотношение работоспособных ее членов с иждивенцами очень важен для характеристики экономического состояния крестьянского хозяйства. По этим показателям лишь менее трети хозяйств условно можно отнести к зажиточным: 28,5% имели более семи едоков, 26,1% – трех и более работников. В основном в семьях было от четырех до семи едоков (65,9%) и два взрослых работника (ок. 60%) [9, с. 69]. Таким образом, большинство семей было не в состоянии обработать свой надел без применения наемного труда.

По оценке В.П. Данилова, «при экстенсивном характере крестьянского хозяйства посевная площадь относилась к числу основных показателей размеров его сельскохозяйственного производства» [11, с. 297]. В среднем хозяйство сельского «лишенца», причисленного к кулакам, в Сибирском регионе заседало 7,9 дес. посева. Это соответствовало уровню середняцкого, а не зажиточного хозяйства. На середняцкое хозяйство Юго-Западной Сибири приходилось 7,52 дес. посева [12, с. 314]. Для Алтая усредненное «кулацкое» хозяйство в 1929 г. заседало 11,2 дес. [13, с. 166].

В.П. Данилов отмечает еще один показатель имущественной и социальной дифференциации крестьянства – «распределение рабочей и тягловой силы в сельскохозяйственном производстве» [11, с. 32]. В среднем на одно хозяйство в группе «лишенцев», относимой к «кулачеству», приходилось 2,18 лошади (на Алтае 2,8) и 2,07 коровы (на Алтае 2,74). Это в целом близко к показателям среднего сибирского хозяйства. В районах Юго-Западной Сибири на одно середняцкое хозяйство приходилось 2,3 лошади и 2,8 коровы [11, с. 314].

Одной из важнейших характеристик материального положения сельских «лишенцев», наряду с применением в хозяйстве наемного труда, была обеспеченность сложными сельскохозяйственными машинами, сдача их в наем. Данные показатели служили формальным основанием для лишения прав и причисления крестьян к категории «кулаков». По статистике того времени, 68,7% сложных сельскохозяйственных машин принадлежали крестьянам-середнякам [11, с. 69]. Включение владельцев техники в разряд зажиточных крестьян было продиктовано политическими соображениями.

Характерной чертой процесса лишения избирательных прав является то, что рассмотрение дел «лишенцев» находится в ведении не избиркомов, а партийных и советских органов, собраний сельской бедноты. Сведения о лишении избирательных прав содержатся в выписках из протоколов заседаний пленумов различных сельских Советов: «Слушали: О лишении избирательных прав Угрюмова Якова за спекуляцию скотом и мясом ряд лет. Постановили: лишить избирательных прав» [14, л. 4]; в протоколах заседаний сельских ячеек ВКП (б): «Слушали: о лишении избирательных прав и выселении из пределов района кулака Вдовина Алексея Федоровича. Постановили: Вдовина А.Ф., как эксплуататора... лишить избирательных прав...» [15, л. 19]; в выписках из протоколов общих собраний бедноты: «Слушали: о лишении избирательных прав гражданина Абалмасова Трофима Гавриловича. Постановили: Абалмасов Трофим занимался покупкой и перепродажей подсолнухов и продчих продуктов в Барнаул. С оттудова набирал колесы и прочие материалы продавал гражданам и по сему Абалмасов считается лишенным» * [16, л. 2].

С началом сплошной коллективизации и проведением политики ликвидации кулачества как класса избиркомы и даже советские органы не справлялись с потоком дел по лишению избирательных прав. Их функции передаются специально создаваемым «тройкам» и «пятеркам».

В одном только Покровском районе Барнаульского округа Западно-Сибирского края такими специальными органами с формулировкой: «лишить избирательных прав, выслать за применение наемного труда» [17, л. 28] было лишено избирательных прав 3302 человека [18, л. 1–100].

Таким образом, к началу 1930-х гг. лишение избирательных прав превращается в многофункциональный инструмент дискриминации значительной части населения СССР. Во-первых, лишение избирательного права являлось достаточным основанием для дальнейшего «раскулачивания». Во-вторых, понижалась политическая активность наиболее экономически обеспеченного и самостоятельно мыслящего крестьянства. В-третьих, нарушались нравственные семейные устои.

* Сохранены орфография и стиль документа.

Лишение избирательных прав главы семьи приводило к тому, что другие ее члены (обычно взрослые сыновья) нередко пытались всячески показать свою непричастность к «прегрешениям лишенца». В обществе складывается порочная практика отказа детей от родителей, достигшая пика своего развития в конце 1930-х гг. Это наносит сокрушительный удар по традиционной крестьянской культуре, ее патриархальным устоям, в лучшем смысле этого понятия. Тем самым

«лишенчество» разрушает одну из сущностных черт крестьянства.

Наконец, к рубежу 1920–1930-х гг. институт лишения избирательных прав принял массовый характер, объективно способствовал дальнейшему «раскрестьяниванию» и формированию репрессивной системы государства. Все это позволило сталинскому режиму перейти к массовым репрессиям не только в отношении крестьян.

Библиографический список

1. Шанин Т. Понятие крестьянства / Т. Шанин // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992.
2. Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конце 1930-х гг.) / С.А. Красильников. – Новосибирск, 1998 [Электронный ресурс] // http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1
3. Саламатова М.С. Социальный облик «лишенцев» г. Новосибирска в 1927–1936 гг. / М.С. Саламатова. – Новосибирск, 1996.
4. Смирнова Т.М. «Бывшие»: штрихи к социальной политике советской власти / Т.М. Смирнова // Отечественная история. – 2000. – №2.
5. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959.
6. СУ РСФСР. – 1926. – №75. – Гл. II. – Ст. 15.
7. ЦХАФ АК. – Ф. Р-201. – Оп. 1. – Д. 32.
8. ЦХАФ АК. Ф. Р-243. – Оп. 1а. – Д. 214.
9. Саламатова М.С. «Лишенцы» / М.С. Саламатова // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–30-е гг.). – Новосибирск, 2004.
10. ЦХАФ АК. – Ф. Р-679. – Оп. 1. – Д. 1281. – Л. 22–74; Д. 1283. – Л. 1–12, 47–48, 60–60об., 63–65, 69–72, 138–143; Д. 1285. – Л. 27–28; Д. 1286. – Л. 7–10, 12–18, 23–26, 33–34, 37–40; Д. 1287. – Л. 19–40, 44–83, 105–109; Д. 1288. – Л. 9–28; Ф. Р-647. – Оп. 2. – Д. 30. – Л. 1–5, 12–14, 16–32, 35–36, 42; Ф. Р-1454. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 39–64, 69–75, 78, 94–95; Ф. Р-603. – Оп. 5. – Д. 10. – Л. 284; Д. 11. – Л. 5–9; Д. 25. – Л. 50–52; Ф. Р-677. – Оп. 4. – Д. 2. – Л. 41–46. – Д. 4. – Л. 17–27, 68–69, 74–83; Д. 6. – Л. 44–65об.; Д. 12. – Л. 7–10; Д. 14. – Л. 14–22; Д. 16. – Л. 31–36, 63, 65, 84–89; Д. 17. – Л. 1–11; Д. 30. – Л. 36–444; Д. 36. – Л. 1–15; Д. 44. – Л. 6–8; Д. 47. – Л. 3–7; Д. 48. – Л. 2–3; Д. 51. – Л. 60–63; Д. 56. – Л. 8–15, 19–21, 33–39; Д. 59. – Л. 36–37, 62, 66–79, 85–92, 94–98, 134–138, 144–150; Ф. Р-680. – Оп. 1. – Д. 869.
11. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – М., 1977.
12. Сибирский край : статистический справочник. – Новосибирск, 1930.
13. Климук Я.А. Налоговая политика в Алтайской деревне в 1920-х гг. / Я.А. Климук // Алтайский архивист. – 2006. – №1(11).
14. ЦХАФ АК. – Ф. Р-243. – Оп. 1а. – Д. 12.
15. ЦХАФ АК. Ф. Р-680. – Оп. 3. – Д. 18.
16. ЦХАФ АК. Ф. Р-243. – Оп. 1а. – Д. 14.
17. ЦХАФ АК. Ф. Р-243. – Оп. 1а. – Д. 113.
18. ЦХАФ АК. Ф. Р-680. – Оп. 3. – Д. 27.